

Дискуссионная панель 10

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭКОНОМИКИ

*Е.В. Ананевич, ассистент
elena-an@tut.by
БГЭУ (Минск)*

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ РОБОТОТЕХНИКИ (ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА)

Сегодня в социальной и экономической сферах наблюдается экспоненциальное развитие информационных технологий. Можно с уверенностью утверждать, что в современных условиях существенно трансформируется само понимание роли информационных технологий, теперь это не просто инструмент для подключения и чисто функционального использования виртуального пространства (покупки, коммуникационное взаимодействие, компьютерные игры и т.п.) — Интернет становится все менее отделенной от объективной реальности областью, а рассматривается как своеобразное продолжение (расширение) доступной для человеческого взаимодействия сферы, т.е. как информационная сфера со специфическими формами проявления и закономерностями существования. Для правовой среды же имманентно характерна инертность развития, поэтому каждый раз правоприменительная сфера сталкивается с вызовами адаптации уже существующих и укоренившихся подходов правового обоснования и стандартов правового мышления к отношениям по поводу внедрения и использования робототехники, искусственного интеллекта, киберфизических систем. Одна из таких проблем — определение правового положения или режима систем (образований), основанных на использовании робототехнологий и технологий искусственного интеллекта. В процессе разработки общих стандартов и механизмов правового регулирования для новой области общественных отношений существует необходимость учета объективных характеристик изучаемых информационных технологий, что, принимая во внимание базисные начала различных отраслей права и правовой системы, весьма затруднительно. В отношении робототехники и искусственного интеллекта к таким специфическим характеристикам следует отнести следующие аспекты:

1. Бинарность природы таких технологий. Так, им присуща возможность рассмотрения правовой сущности робототехники и искусственного интеллекта как с позиции правовой личности или правосубъектного образования, так и в качестве объекта права. Здесь возникают такие правовые вызовы, как возможность признания ограниченной правосубъектности робототехники и искусственного интеллекта, дискуссия о теории электронной (цифровой) личности и лица, электронного профиля физического лица, глобальная проблема делегирования принятия решения системам искусственного интеллекта и более узкая проблема ответственности, в том числе системы оценки рисков, возникающих при использовании таких технологий. Полагаем, что в случае наделения способностью быть участником правоотношения границы правосубъектности должны быть специализированы с учетом технологических особенностей конкретного вида робототехники (искусственного интеллекта), т.е. по функциональному назначению (роли).

2. Высокая степень автономности и саморегулятивного начала робототехники и искусственного интеллекта. Автономность является главной чертой робототехники, отличающей ее от иных технологических механизмов. Полагаем, что степень автономности можно рассматривать в качестве одного из базисных критериев правового регулирования робототехники (искусственного интеллекта). Развитие конкретных функций дает робототехнике (системам искусственного интеллекта) возможность действовать независимо и осуществлять когнитивные процессы, следовательно, такие программно-технологические механизмы со временем смогут быть своеобразными агентами по взаимодействию с окружающей действительностью.

О.А. Антонова, канд. юрид. наук, доцент
volha2002@yandex.ru
БГЭУ (Минск)

К ВОПРОСУ ЗАЩИТЫ ИНТЕРЕСОВ ПОТЕРПЕВШЕГО ОТ ПРОТИВОПРАВНЫХ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

К обстоятельствам, исключающим производство по уголовному делу, в соответствии со ст. 29 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь относится отсутствие состава преступления. К таким случаям можно отнести ситуации, когда: 1) деяние в действительности совершено, но уголовным законом оно не признается в качестве преступления либо не содержит все признаки состава преступления: обвиняемый не является субъектом преступления; отсутствует административная преюдиция как необходимый элемент состава преступления; нет причинной связи между действием (бездействием) и общественно опасными последствиями; 2) установлены предусмотренные гл. 6 Уголовного кодекса обстоятельства, исключающие преступность деяния (деяние совершено в состоянии необходимой обороны, крайней необходимости и т.д.), имел место добровольный отказ от совершения преступления; 3) указанные в обвинении действия формально содержат признаки деяния, предусмотренного Уголовным кодексом, но в силу малозначительности не обладают общественной опасностью, присущей преступлению.

Все указанные случаи свидетельствуют о возможности причинения физического, имущественного и (или) морального вреда пострадавшему лицу в результате их совершения. Для обеспечения возмещения вреда в уголовном процессе может быть предъявлен гражданский иск. Однако в настоящее время в уголовно-процессуальном законодательстве существуют пробелы, препятствующие возможности полного возмещения вреда жертвам противоправных деяний. В частности, согласно ч. 2 ст. 29 Уголовно-процессуального кодекса, если отсутствие состава преступления обнаруживается на стадии судебного разбирательства, суд доводит разбирательство уголовного дела до конца и постановляет оправдательный приговор. При этом установлено правило касательно гражданского иска: при постановлении оправдательного приговора суд оставляет иск без рассмотрения в случае оправдания обвиняемого за отсутствием в деянии состава преступления. Аналогичное процессуальное решение (оставление без рассмотрения) суд принимает и при прекращении производства по уголовному делу по различным основаниям, в перечень (закрытый) которых не входит отсутствие состава преступления. Действительно, такой порядок представляется достаточно расплывчатым, так как не ограничивает право потерпевшего получить возмещение причиненного ему вреда путем обращения с исковыми требованиями в порядке гражданского судопроизводства.